

Гронский А. Д., кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный со-

трудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, заместитель председателя Синодальной исторической комиссии Белорусской Православной Церкви

Gronsky A. D., candidate of historical sciences, associate professor, leading research fellow, National Research Institute of World Economy and International Relations named after Ye.M. Primakov, Russian Academy of Sciences; deputy chairman, Synodal Historical Commission, Belarusian Orthodox Church.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ВОЙНА ЛОЗУНГОВ ДНЯ ПОБЕДЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ HISTORICAL MEMORY AND THE WAR OF VICTORY DAY SLOGANS IN THE POST-SOVIET SPACE

В статье рассматривается проблема функционирования исторической памяти в обществе. Анализируются механизмы передачи исторической памяти. Обращается внимание на контроль памяти с помощью школьных учебников и отношения к памятникам. Исследуется проблема противостояния лозунгов, которые актуализируются в период празднования Дня Победы: лозунг «Можем повторить» (и его вариант «Если надо, повторим»), а также лозунг «Никогда снова» (вариант: «Никогда больше»). Обращается внимание, что первый лозунг в обоих вариантах появился в среде участников войны, т. е. он сформулирован людьми, понимавшими, что такое война. Второй лозунг сформулирован как стремление Германии к тому, чтобы не повторилось геноцида, случившегося во время Второй мировой войны.

The article deals with the problem of the functioning of historical memory in society. The mechanisms of transmission of historical memory are analyzed. Attention is drawn to the control of memory with the help of school textbooks and attitudes to monuments. The problem of the confrontation of slogans that are actualized during the celebration of Victory Day is investigated: the slogan « We can repeat» (and its variant «If necessary, we will repeat»), as well as the slogan «Never again». Attention is drawn to the fact that the first slogan in both versions appeared among the participants of the war, i.e. it was formulated by people who understood what war is. The second slogan is formulated as Germany's desire to ensure that the genocide that occurred during the Second World War does not happen again.

Ключевые слова: историческая память, история, Великая Отечественная война, «Можем повторить», «Если надо, повторим», «Никогда снова/больше».

Keywords: historical memory, history, the Great Patriotic War, «We can repeat», «If necessary, we will repeat», «Never again/more».

Вряд ли стоит доказывать то, что представление о прошлом у разных людей или человеческих коллективов различаются. Этому способствует множество факторов. Люди могут обладать различным опытом, быть активными участниками того или иного события или вообще находиться вдали от эпицентра события, какое-то событие может просто пройти мимо сознания человека. Также на оценку прошлого влияют идеологические предпочтения того или иного человека и т. д.

Однако прошлое это не только то, что человек пережил лично. Личное прошлое крайне коротко в сравнении с историческим прошлым, в котором каждый конкретный человек не жил. И если не такое далекое прошлое, в котором конкретный человек не жил, может познаваться по рассказам еще живых очевидцев старшего возраста, которые были непосредственными участниками событий или хотя бы жили в то время, то более отдаленные периоды не имеют жи-

вущих очевидцев в силу временной ограниченности человеческой жизни. Историческое прошлое отнесено от современности на многие столетия и даже тысячелетия, в зависимости от того, что считать историческим прошлым, а также в зависимости от того, какое историческое прошлое должно быть осознано: региона, государства, населенного пункта и т. д. В этом случае ни опыт, ни активное участие в событиях не помогут осознать то, что произошло, например, 600 лет назад. Однако люди знают о событиях давно ушедших эпох. В этом случае в дело вступает историописание и историческая память. Однако научные книги по истории далеко не всем будут понятны, т.к. они пишутся специалистами для специалистов. Для широкого круга читателей существует научно-популярная литература, музеи, школьные учебники, кино, литература и другие виды искусства, отражающие исторические сюжеты и т. д. Все эти направления постижения истории обладают большей или меньшей субъективностью, поскольку главной задачей для них является не поиск истины как таковой, а передача впечатлений, создание некой картины прошлого, которая должна восприниматься более-менее эмоционально и даже односторонне.

Для управления населением того или иного государства у различных политических сил существуют разнообразные наборы методов. Одним из них является контроль над образом прошлого. Прошлое становится известным ныне живущим поколениям не столько по научным исследованиям (которые не всем понятны, известны и доступны), сколько по информации, содержащейся в школьных учебниках истории, музейных экспозициях, рассказам пожилых родственников, семейным легендам и т. д. Одним словом, обычный человек осознаёт историю не в строго научном её варианте, а в её «народной» версии. Которая, естественно, представлена упрощённо. Стоит понимать, что научные исследования также не всегда соответствуют реальности, т. к. учёные получают финансирование или от государства, или от заинтересованных политических сил. А это отражается на качестве исследования и оценочных суждениях исследователей. Содержание школьных учебников или музейных экспозиций также идеологично. Оно контролируется заинтересованными политическими силами и представляет официальную версию истории, если учреждения государственные. Частные музеи или частные школы могут создавать свои версии экспозиций и учебников, не контролируемых государством, но представляющие прошлое в свете интересов какой-нибудь альтернативной политической силы. Школа и музей, таким образом, формируют представления о прошлом. Это отмечали и исследователи. Например, французский историк Марк Ферро писал: «Не нужно себя обманывать: образ других народов или собственный образ, который живёт в нашей душе, зависит от того, как в детстве нас учили истории. Это запечатлевается на всю жизнь. Для каждого из нас это открытие мира, открытие его прошлого, и на сложившиеся в детстве представления впоследствии накладываются как мимолётные размышления, так и устойчивые понятия о чём-то. Однако то, что удовлетворяло нашу первую любознательность, побуждало наши первые эмоции, остаётся неизгладимым» [19, с. 8]. А немецкая исследовательница Алейда Ассман уточняла: «Лишь то, что выставлено в музеях, воплощено в памятниках и попало в школьные учебники, обретает шанс на передачу следующим поколениям» [4, с. 16]. Но на учебники, музеи и памятники

оказывают влияние те или иные политические силы. Стоит вспомнить хотя бы декоммунизацию на территории Украины, которая началась с 2014 г. и превратилась сначала в «ленинопад» – разрушение памятников Ленину, а потом в ликвидацию других памятников, отражающих советскую эпоху. В запале борьбы с советским монументальным наследием случались и казусы. Так, в рамках декоммунизации в 2015 г. в Одессе был демонтирован памятник внуку Николая I великому князю Константину Константиновичу, создавшему в Одессе кадетский корпус [8]. Памятник был поставлен во дворе бывшего кадетского корпуса в 1999 г. Великий князь Константин Константинович не имел к коммунистам никакого отношения, т. к. он умер в 1915 г., т. е. ещё до событий Октябрьской революции, но, тем не менее, его монумент попал под декоммунизацию.

Управление прошлым хорошо заметно по школьным учебникам. Образ того или иного исторического периода подается согласно актуальной на момент написания учебника исторической концепции собственного прошлого. Это легко проверить, сравнив, например, каким образом подавалась информация о Великом княжестве Литовском в ученике «История БССР», изданном в 1978 г. [1, с. 30–41] и учебнике «История Беларуси» за 6 класс, изданном в 2016 г. [7, с. 61–135]. Информация о Белорусской народной республике состояла в учебнике «История БССР» всего лишь из одного предложения: «Эта небольшая группка заклятых врагов рабочих и крестьян [речь о «белорусских буржуазных националистах» – А. Г.] объявила в условиях немецкой оккупации о создании так называемой “Белорусской народной республики”, да еще назвала эту несуществующую “республику” независимой» [1, с. 158]. В учебнике «История Беларуси. XX век», изданном в 1992 г. отношение к БНР уже не слишком критичное. Ей посвящено несколько страниц [6, с. 121–123]. В 1993 г. в учебнике «Гісторыя Беларусі» для 9 класса двое из трех авторов предыдущего учебника посвятили истории БНР также несколько страниц, но информация была уже представлена существенно положительно [17, с. 17–20]. Позже объем информации о БНР стал сокращаться, но не слишком сильно, снова появились указания на несостоятельность БНР как суверенного государства, но это преподносилось более-менее мягко и некритически. Однозначных заявлений, подобных тем, которые содержались в учебнике 1978 г. уже не использовалось [См.: 18, с. 20–24; 10, с. 108–111; 15, с. 16–18; 9, с. 25–26].

Таким образом, по содержанию учебников можно проследить, каким образом политика контролирует и корректирует предоставление информации об историческом прошлом. А вот рассказы родственников-очевидцев или семейные легенды ни власть, ни политическая оппозиция полностью контролировать не в состоянии. В итоге, если государство или иные политические силы формируют собственную версию истории, она может не совпадать и даже противоречить «народной» версии. В этом случае получается, что политическая сила и общество «помнят» разные версии одной и той же истории. Возникает борьба за презентацию своего взгляда на то, «как было на самом деле», за собственную версию исторической памяти. Не всегда историческая память, транслируемая политическими силами, в том числе и государством, совпадает с исторической памятью народа. Если для народа историческая память относительно естественна, т. е. она в малой степени подвергается идеологической обработке, то для политических сил необходима конкретная версия исторической памяти, оправ-

дывающая их право на политическое доминирование или хотя бы на существование данной политической силы. Поэтому историческая память подвергается коррекции.

Исторической памятью учёные заинтересовались лишь в XX в. Сначала она представлялась как противопоставление исторической науке. Историческая наука базируется на выверенных научных методологиях, для понимания проблемы широко применяет различные исторические источники, рассматривает различные точки зрения и в конце концов приходит к некоему объективному выводу.

Историческая память не опирается на источники и научные методологии, она существует в виде семейных преданий, жизненных историй, рассказов очевидцев и т. п. Историческая память не рассматривает ситуацию с разных точек зрения и вообще не стремится к объективности, она стремится к передаче впечатления о событии. Поэтому историческая память более эмоциональна, чем любое научное исследование. Историческая память передаёт знания о прошлом, полученные не путём сравнения различных источников, а путём собственного прочувствования ситуации или пересказа того, что чувствовали её непосредственные участники.

Таким образом, учёные разграничивали объективную историческую науку и субъективную историческую память, утверждая, что историческая наука создаёт точные представления о реальности прошлого, а историческая память формирует эмоциональное отношение к прошлому. Однако в последнее время учёные стали относиться к исторической памяти гораздо благожелательнее. Например, историческая память о немецкой оккупации периода Великой Отечественной войны в своём отношении к событию в целом совпадала с выводами учёных, использовавших для выяснения истины многочисленные исторические источники. Поэтому постепенно историческая память перестала рассматриваться как противовес историческому знанию, а стала его дополнять там, где это было возможно.

Память о войне является наиболее укорененной в человеческом сознании, потому что война даёт множество примеров подвига и трагедии, к которым у человека формируется эмоциональное отношение. Большие войны, продолжавшиеся длительное время, остаются в памяти. В памяти могут остаться и краткосрочные войны, если они явили обществу яркие примеры трагедии или героизма. При этом зачастую в коллективной памяти народа остаются не столько сами войны, сколько их отдельные эпизоды. Например, говоря о русско-японской войне 1904–1905 гг., российское общество вспомнит в первую очередь бой крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» с японской эскадрой. Практически никто не вспомнит, что это сражение называлось боем у Чемульпо. Остальные же эпизоды войны, даже Цусимское сражение или оборона Порт-Артура, останутся в тени воспоминаний, хотя примеров героизма русских моряков и солдат в этих сражениях также достаточно, но они уступают по эмоциональному отклику бою у Чемульпо.

С Великой Отечественной войной ситуация иная. Война была настолько масштабной, что затронула практически всех. При этом она представляла собой и многочисленные образцы героизма, которые начали появляться с самого начала войны. Вспомним хотя бы оборону Брестской крепости. Во время этой

войны случилась огромная трагедия, которая направлялась нацистской идеологией о неполноценных народах и оставила серьезный след в исторической памяти населения, попавшего под оккупацию. Так что эмоциональный след от переживаний войны оказался очень глубоким. Но осмысление тех событий пришло позже. Сразу после войны были другие заботы, связанные с восстановлением разрушенных населенных пунктов, налаживанием мирной жизни. Люди, общаясь друг с другом, рассказывая о своих военных переживаниях, понимали, что не только они, но и остальные переживали эту войну примерно одинаково. В обществе сложился консенсус, в котором государство не могло принять серьезного участия, потому что и без государства люди имели похожие суждения о событиях недавнего прошлого. Память о войне начала широко отражаться в творчестве. Фильмы и книги, описывающие события войны, снимались и писались теми, кто войну видел собственными глазами. Многие зрители и читатели также знали о войне не понаслышке и видели в произведениях творческую подачу исторической правды. Кстати, подавляющее большинство песен, которые иногда называют военными, написано после войны.

С течением времени поколение участников войн старело и уходило. Знания о войне все больше черпались не от непосредственных участников событий, а из пересказов их родственников, уже не заставших войну. А потом наступит время, когда не останется даже тех, кто слышал рассказы участников событий.

Исчезновение СССР, который был победителем в войне, спровоцировало желание начать пересмотр итогов Второй мировой войны. Сложная социально-экономическая ситуация периода «перестройки» и первых постсоветских лет негативно повлияла на выполнение социальных гарантий в отношении пожилых людей, в том числе и ветеранов. Их ряды стали меньше. На май 2021 г. в России в живых было около 68 000 непосредственных участников боевых действий, а всего лиц, которые приравнены к ветеранам (труженики тыла, блокадники, узники концлагерей, инвалиды войны), было немногим более 1 000 000 человек. На Украине в живых в первой половине 2021 г. оставалось примерно 30 000 участников боевых действий, в Беларуси – 7 000, в Казахстане – 2 000. Всего на постсоветском пространстве без учета России в 2021 г. проживало 46 000–47 000 участников боевых действий и около 1 000 000 лиц, приравненных к ветеранам [13]. Если несколько десятков лет назад школьники могли услышать о событиях Великой Отечественной войны из уст самих ее участников, то во втором десятилетии XXI в. такая возможность стремительно исчезает.

На этом фоне начали появляться попытки переформатировать историческую память под текущие политические и идеологические нужды. В начале XXI в. на постсоветском пространстве столкнулись два лозунга, которые касались войны: «Можем повторить» (вариант: «Если надо, повторим») и «Никогда снова» (вариант: «Никогда больше»). Второй лозунг актуализировался в ответ на первый в качестве альтернативы. Сторонники второго лозунга воспринимают слова «Можем повторить!» как символическую агрессию или угрозу. Однако данное восприятие можно отнести на счет интерпретации конкретных людей или групп. В частности, российский телеведущий В. В. Познер объяснил знакомому французу смысл лозунга так: «Есть такой контингент людей у нас, которые спят и видят, чтобы была война. И они, те, которые не имеют никакого опыта войны, которые вообще ее не

испытали, потому что те, кто испытал, они бы прокляли тех, кто так говорит. Так вот они, ссылаясь на прошлую войну, как бы грозят противнику. “Можем повторить!” – то есть готовы снова потерять почти тридцать миллионов человек, готовы на то, чтобы еще десятки миллионов стали калеками, чтобы миллионы детей выросли сиротами или без отцов, чтобы тысячи наших сел и городов были снесены с лица земли, чтобы наша страна была отброшена на несколько десятилетий – все это мы “Можем повторить!”» [11]. Т. е. В. В. Познер считает, что «те, кто испытал, они бы прокляли тех, кто так говорит».

Однако лозунг «Можем повторить» не появился в XXI в. «Выражение “Можем повторить” стало известным после того, как один из советских солдат оставил надпись на основании колонны фасада Рейхстага в мае 1945 года. Она была многократно запечатлена на фото и кинохронике. Предположительно, надпись была сделана мелом, она не сохранилась. Автор ее неизвестен.

Полный текст надписи: “За налеты на Москву, за обстрел Ленинграда, за Тихвин и Сталинград. Помните и не забываете. А то можем и подовторить”. Подовторить – это диалектное слово, характерное для псковской группы говоров, оно означает одновременно “подтвердить” и “повторить”. Это может служить указанием на то, что автор фразы был родом из-под Пскова» [16].

Таким образом, «Можем повторить» – это как раз фраза тех, кто «испытал» войну лично. Вообще, на Рейхстаге можно было увидеть не только «Можем подовторить», а еще фразы, которые вызвали бы у части общества обвинения в символической агрессии. Например, «Получайте за нашу Родину» или «Гансы и Фрицы, вы это никогда не забудете! А если надо мы придем еще!» [5]. В последней фразе, кстати, тоже прочитывается повторение, но это не бравада, это повторим, «если надо». Да и «подовторить», исходя из надписи на Рейхстаге, мы можем не беспричинно, а за то, что противник забудет, что он делал на территории Советского Союза.

В немного измененной форме, но с тем же смыслом «Если надо – повторим» фраза появилась в популярной песне в вышедшем в 1955 г. фильме «Максим Перепелица»: «Пусть враги запомнят это: / Не грозим, а говорим. / Мы прошли с тобой полсвета. / Если надо – повторим». И в этом случае есть четкое указание на то, что «не грозим, а говорим», т. е. фраза – это не угроза, а предупреждение. Текст этой песни был написан М. А. Дудиным, который также имел непосредственное отношение к войне – он был не только ветераном, но и блокадником. Вряд ли бы человек, прошедший такие испытания во время войны, стал бы бравировать словами. Более того, именно слова М. А. Дудина высечены на фризах пропиленов Пискаревского кладбища, где бравада вообще не уместна. Любители всюду видеть символическую агрессию, могут в качестве таковой интерпретировать и фразу М.А. Дудина на Пискаревском кладбище: «Бессмертная слава героев умножится в славе потомков» [14]. Ведь слава героев умножится в славе их потомков, значит потомки должны повторить. Видимо, дело в том, что идеологические взгляды, социальный опыт и многие другие характеристики не позволяют части общества воспринимать фразы с тем смыслом, который в них вкладывали авторы. Как указывает группа российских исследователей, «новые перформативные практики и обслуживающие их символы становятся причиной конфликтов, потому что коммуниканты вкладывают в одни и те же практики

разные смыслы» [3, с. 108]. Однако, как выяснили исследователи, лозунг «Если надо, повторим» «разделяли представители всех социальных групп» [2, с. 35–36]. Лозунг «Можем повторить» кто-то и использует ради бравлады. Но в данном случае это некорректная интерпретация естественной сути лозунга, которая прочитывается в надписи на стене Рейхстага или в песне на слова М. А. Дудина.

В качестве противопоставления лозунгу «Можем повторить» возник лозунг «сторонников противоположного дискурса» – «Никогда больше». Как указывают исследователи, наклейка с этим лозунгом оказалась не очень популярной [3, с. 101–102]. И дело здесь не в какой-то символической агрессии общества, а в самом восприятии Дня Победы. «Мы победили. Можем повторить» звучит вполне логично, но «Мы победили. Никогда снова» уже вызывает странные чувства. Тем более, что лозунг «Никогда больше/снова» имеет специфическую нагрузку. Он связан с тем, что «послевоенная Германия прошла достаточно долгий путь к общественному консенсусу “Никогда больше!”, т. е. к модели, считающейся сегодня образцовой для обществ, несущих историческую ответственность за геноцид не на уровне биографической памяти, а на уровне принадлежности к национальной идентичности» [12, с. 75]. Таким образом, «Никогда больше» или «Никогда снова» – это лозунги «обществ, несущих историческую ответственность за геноцид».

Красная армия не практиковала геноцид немцев, поэтому в исторической памяти нет чувства коллективной вины за знамя Победы над Рейхстагом или надписи на нем. Тем не менее, именно лозунгом «Никогда снова», навязывающим чувство вины, пытаются заменить лозунг «Можем повторить».

Литература и источники

1. Абецедарский, Л. С. История БССР: Учебник для учащихся средней школы / Л. С. Абецедарский, М. П. Баранова, Е. Г. Павлова. – Изд. 4-е. – Минск: Народная асвета, 1978. – 288 с.
2. Артамонова, Ю. Д. К вопросу о механизмах исторической памяти / Ю. Д. Артамонова // Вестник славянских культур. – 2018. – Т. 48. – С. 29–40.
3. Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация Дня Победы / А. Архипова [др.] // Антропологический форум. – 2017. – № 33. – С. 84–122.
4. Ассман А., Новое недовольство мемориальной культурой / А. Ассман – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.
5. Берлин. Рейхстаг. 1945 год. Исторические фотографии // Живой журнал Любови Сапожниковой. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://100decor-ls.livejournal.com/1061.html>. – Дата обращения: 16.06.2021.
6. Бич, М.О. История Беларуси. XX век: учеб. пособие для 10–11-х кл. сред. шк. / М. О. Бич, В. Н. Сидорцов, В. М. Фомин; Под ред. В. Н. Сидорцова. – Минск : Народная асвета, 1992. – 352 с.
7. Бохан, Ю. Н. История Беларуси с древнейших времен до конца XV в.: учеб. пособие для 6-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения: в 2 ч. / Ю. Н. Бохан, С. Н. Темушев. – Ч. 2. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – 146 с.
8. В Одессе снесли памятник Константину Романову из императорской семьи // Голос правды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://golospravdy.eu/v-odesse-snesli-ratnyatnik-konstantinu-romanovu-iz-imperatorskoj-semi> – Дата обращения: 16.06.2021.
9. История Беларуси, XIX – начало XXI в.: учеб. пособие для 11-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения / Под ред. А. В. Касовича, А. П. Соловьянова. – Минск: Изд. центр БГУ, 2021. – 240 с.
10. История Беларуси, XIX – начало XXI в.: учебное пособие для 11-го кл. общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения; под ред. Е. К. Новика; пер. с белорус. яз. Н.С. Макаревич. – Минск : Изд. центр БГУ, 2009. – 239 с.
11. История песни. Есть такие слова: «Если надо повторим!» [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: <https://123ru.net/moscow/205059342>. – Дата обращения: 16.06.2021.

12. Махотина, Е. А. Нарративы музеализации, политика воспоминания, память как шоу: новые направления memory studies в Германии / Е. А. Махотина // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко – М.-СПб.: Нестор-История, 2018. – С. 75–92.

13. Названо число живых участников войны в России и странах СНГ [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/social/2021/05/05/naz-vano-chislo-zhivykh-uchastnikov-voyny-v-rossii-i-stranakh-sng.html> – Дата обращения: 14.06.2021.

14. Память о блокаде в камне и в стихах [Электронный ресурс] // Вокруг книг. Блог Центральной библиотеки им. А.С. Пушкина г. Челябинска. – Режим доступа: https://vokrug-knig.blogspot.com/2021/01/blog-post_51.html. – Дата обращения: 16.06.2021.

15. Панов, С. В. История Беларуси, 1917 г. – начало XXI в.: учеб. пособие для 9-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения / С. В. Панов, В. Н. Сидорцов, В. М. Фомин; пер. на рус. яз. О. Р. Ермакович, В. М. Иванова. – Минск: Изд. центр БГУ, 2019. – 180 с.

16. Путин заявил, что Россия ответит любому агрессору так же, как СССР фашистам [Электронный ресурс] // ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/7933423>. – Дата обращения: 16.06.2021.

17. Сідарцоў, У. Н. Гісторыя Беларусі: 1917–1992: вучэб. дапам. для 9-га кл. сярэд. шк. / У. Н. Сідарцоў, В. М. Фамін. – Мінск: Народная асвета, 1993. – 319 с.

18. Тращанок, Я. І. Гісторыя Беларусі: (кастрычнік 1917 г. – пачатак XXI ст.): вучэб. дапаможнік для 11-га кл. агульнаадукац. устаноў з бел. мовай навучання / Я. І. Тращанок, А. А. Вараб'еў; пад рэд. Я. І. Тращанка. – Мінск: Народная асвета, 2009. – 175 с.

19. Ферро, М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира: пер. с фр. / М. Ферро. – М.: Высшая школа, 1992. – 350 с.

Загорнов А. А., кандидат исторических наук, доцент Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина

Zagornov A. A., Candidate of Historical Sciences, Docent Brest State University named after A. S. Pushkin

СЛАВЯНЕ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ВОЙНЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В ОЦЕНКЕ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО SLAVS AND EUROPEAN WARS THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY IN THE ASSESSMENT OF N.Y. DANILEVSKY

Статья посвящена отражению в политической публицистике Н. Я. Данилевского идеи единения славян в контексте европейских военных конфликтов второй половины XIX века. Отмечено, что ученый интерпретирует франко-прусскую войну 1870–1871 гг. и русско-турецкую войну 1877–1878 гг. в русле своей теории культурно-исторических типов, где славянский тип на основе православия имеет перспективы для наиболее полной реализации. Процесс объединения славянских народов определяется им как условие сохранения идентичности. В рассматриваемых работах Н. Я. Данилевский подчеркивает, что противостояние России и Европы исторически обусловлено и будет продолжаться в будущем. Сделан вывод об актуальности идеи славянского единства в сложной геополитической ситуации XXI века.

The article is devoted to the reflection in the political journalism of N.Y. Danilevsky of the idea of the unity of the Slavs in the context of European military conflicts of the second half of the XIX century. It is noted that the scientist interprets the Franco-Prussian war of 1870–1871 and the Russian-Turkish war of 1877–1878 in line with his theory of cultural and historical types, where the Slavic type based on Orthodoxy has prospects for the most complete implementation. The process of unification of the Slavic peoples is defined by him as a condition for preserving identity. In the works under consideration, N.Y. Danilevsky emphasizes that the confrontation between Russia and Europe is historically conditioned and will continue in the future. The conclusion is made about the